

«Эта бумага... почему она кажется не такой, как та, что я использовал прежде?»

Цзюнь Цюлань на мгновение задумался, но, заметив краем глаза, что камера начала съёмку, отбросил посторонние мысли. Следуя задумке, родившейся в его голове, он принялся выводить иероглиф за иероглифом, излагая на бумаге своё сочинение.

Когда первая страница была исписана, и он перевернул лист, режиссёр хотел было крикнуть «Снято!», но Янь Цзин вовремя остановил его.

— Пусть допишет.

Тот не понял, в чём дело, но съёмку останавливать не стал.

— То, что он напишет, я потом заберу, — добавил Янь Цзин.

Режиссёр мысленно пнул его. Теперь-то он понял, зачем этот человек сюда притащился и почему настоял на том, чтобы лично проконтролировать съёмку с дублёром. Вот, значит, где собака зарыта!

Он снова взглянул на монитор. Что ни говори, а почерк у парня был отменный. Сразу видно, что юноша не первый год держит в руках кисть — за этим стояли долгие годы упорного труда. Да и сама манера, с которой он писал, была полна благородства — вылитый учёный муж из древности, образ, который они, кинематографисты, так ценили.

«Тц-тц, теперь понятно, чего этому Янь Цзину было нужно. Либо парень его заинтересовал, либо он прикидывает, не подойдёт ли тот на какую-нибудь роль»

А парень и впрямь был особенным. С характером — не стал ковать железо, пока горячо, после недавней шумихи в сети. И с головой на плечах. Не говоря уже о том, что если его первой работой в кино станет фильм Янь Цзина, то будущее ему обеспечено. С таким дебютом можно смело открывать собственную студию.

Цзюнь Цюлань, разумеется, не был телепатом и о мысленных тирадах собеседника не догадывался.

Сочинение не было длинным — учитывая, что это были всего лишь съёмки, он намеренно сократил его до пятисот иероглифов. Закончив, молодой человек с удовлетворением окинул взглядом свою работу.

— Готово, — произнёс он, откладывая кисть.

Режиссёр просмотрел отснятый материал и, убедившись, что на этот раз у Янь Цзина возражений нет, отрывисто скомандовал:

— Следующая сцена. Письмо домой. Идите, переодевайтесь.

Выйдя из декораций экзаменационной комнаты, Цзюнь Цюлань наконец увидел Янь Цзина. Тот был укутан так плотно, что, если бы не рост и телосложение, его было бы не отличить от женщины. Но глаза... глаза выдавали его с головой.

Цзюнь Цюлань лишь слегка кивнул в знак приветствия.

Янь Цзин на мгновение замер, очевидно, не ожидая, что его так легко узнают.

Сцена с письмом домой в итоговой версии фильма должна была занять всего пару секунд: один кадр — он берёт кисть, другой — опускает её на бумагу. Содержание не имело значения, но на листе должны были быть иероглифы.

Цзюнь Цюлань решил написать письмо своим родителям и сестре, представив себя учёным, приехавшим в столицу на экзамены. Он не боялся, что его раскроют — кто в этом мире мог знать, что у него есть семья в другом?

Лишь в самом конце, опустив кисть, он по привычке потянулся за печатью. Не найдя её на столе, он вспомнил, что это всего лишь съёмки.

А вот Янь Цзин, наблюдавший за ним через монитор, задумчиво смотрел на это письмо. Древние учёные писали своим родным на витиеватом, архаичном языке, что идеально соответствовало образу главного героя. Написать текст в старинном стиле вроде бы несложно, но передать дух эпохи удаётся немногим. Для короткой сцены можно было бы набросать что угодно, но Цзюнь Цюлань подошёл к делу со всей серьёзностью.

Янь Цзин снова вспомнил о его сочинении.

«Неужели даосов учат и этому?»

Он не стал углубляться в размышления — съёмочная группа уже готовилась к следующей сцене.

Сцены с дублёром рук снимались для того, чтобы сделать картинку более цельной и лишить зрителей повода для придирок. Хотя на этот раз руки дублёра были настолько красивы, что в сети, вероятно, ещё несколько дней будут это обсуждать. Но это было неважно — любой ажиотаж лишь добавлял фильму популярности.

Дальнейшие сцены были однообразны: он писал и писал, меняя лишь декорации, костюмы и реквизит. Лишь одна сцена отличалась — в ней нужно было рисовать.

Оригинал рисунка уже был подготовлен заранее.

— Я видел твои рисунки на веерах, — сказал режиссёр. — У тебя отлично получается. Но на этот раз придётся сдержать фантазию. Сможешь скопировать вот эту картину? Достаточно, чтобы было похоже.

Позже, с помощью монтажа, этот рисунок станет творением главного героя.

Цзюнь Цюлань взглянул на образец. Это был простой пейзаж, выполненный тушью.

— Без проблем.

Копирование для него было и вовсе пустяком. Его отец был мастером каллиграфии и живописи. Хотя Цюлань и не учился у него напрямую, но, как сказали бы в этом мире, унаследовал отцовский талант.

Кисть, тушь, размытие.

На создание копии незамысловатого пейзажа у него ушло меньше двадцати минут.

Режиссёр посмотрел на монитор, затем на оригинал, затем на работу юноши.

— Почему мне кажется, что копия получилась выразительнее оригинала? — пробормотал он. — Может, при монтаже стоит использовать именно её.

— Не забывай, ты мне обещал, — тихо напомнил Янь Цзин, стоявший рядом. — Все эти работы я забираю.

Режиссёр готов был его стукнуть.

— Я к каллиграфии и живописи равнодушен. Но это реквизит съёмочной группы. Хочешь всё забрать — принесешь мне пару коробок чая твоего отца.

— Договорились, — без колебаний ответил Янь Цзин и, помедлив, добавил: — И гонорар этому парню подними.

— Ну конечно, все сливки тебе! — проскрежетал собеседник.

Янь Цзин лишь усмехнулся.

Цзюнь Цюлань обо всём этом не догадывался. Последняя сцена была почти трюковой — несколько кадров с вращением веера.

Молодой человек переоделся в роскошный наряд. Съёмочная группа предоставила веер, и он сделал несколько пробных движений.

— А выглядит неплохо, — одобрил режиссёр. — Давайте начнём.

Он объяснил, какие кадры ему нужны, с каких ракурсов снимать и как менять углы вращения. Цзюнь Цюлань справился блестяще.

— Познакомься я с тобой на пару месяцев раньше, непременно дал бы тебе роль, — вздохнул режиссёр.

Внешность и манеры этого юноши идеально подходили для исторических драм. Ему достаточно было просто надеть костюм и встать в кадр, чтобы превратиться в благородного господина — тут и актёрского мастерства не нужно.

— Вы мне льстите, режиссёр, — улыбнулся Цзюнь Цюлань. — Пару месяцев назад я ещё даже в массовке не снимался.

Когда он только попал в этот мир, после месяцев изнурительной ссылки, он был худ как щепка. Если бы не природные черты лица, на него было бы страшно смотреть. Разве что на роль чахоточного больного подошёл бы.

Режиссёр рассмеялся.

— Ничего, может, ещё поработаем вместе. Меня зовут Чжун, мы с Янь Цзином старые друзья.

— Рад знакомству, режиссёр Чжун, — вежливо ответил Цзюнь Цюлань. — Спасибо за сегодняшний день.

Затем он попрощался и с Янь Цзином. Тот кивнул, но через мгновение неожиданно спросил:

— Танцевать умеешь?

Цзюнь Цюлань замер. Он не знал, что и ответить.

— Господин Янь, мне кажется, вы уже второй раз задаёте мне этот вопрос.

— Да, — невозмутимо подтвердил тот. — Но в прошлый раз ты мне так и не ответил.

Юноша потерял дар речи.

— Так какой твой ответ?

— Не умею, — коротко отрезал Цзюнь Цюлань.

Его образ — даос, спустившийся с гор. Умение писать и рисовать не противоречило этому. Но танцующий даос? Что это вообще такое? Разве что ритуальные пляски? Это он, пожалуй, мог бы попробовать.

Янь Цзин больше ничего не сказал.

«Всё-таки ещё ребёнок, — подумал режиссёр Чжун. — Не умеет разговаривать. Ну, не умеешь танцевать, так и скажи, что можешь научиться. Зачем так прямолинейно?»

Но, судя по всему, Янь Цзин не оставил эту мысль. Они знакомы, так что, возможно... Впрочем, сценарий следующего фильма Янь Цзина ещё даже не был готов. До начала съёмок было далеко.

Работа дублёра закончилась в тот же день, и гонорар выплатили сразу.

— Будьте на связи, — сказал ответственный. — Если понадобятся досъёмки, мы с вами свяжемся. Оплата будет дополнительной.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил Цзюнь Цюлань.

Обещали восемь тысяч, но, взглянув на счёт, он увидел сумму в двенадцать тысяч.

— Вы, наверное, ошиблись?

Режиссёр Чжун, который ещё не ушёл, с усмешкой ответил:

— Кое-кто сказал мне, что твой почерк стоит большего, и велел поднять тебе гонорар.

Этот «кое-кто», без сомнения, был Янь Цзин.

Цзюнь Цюлань почувствовал себя немного странно. Складывалось впечатление, что Янь Цзин сегодня пришёл специально, чтобы посмотреть на его работу. Он хотел поблагодарить его за

лишние четыре тысячи, но, когда переделся и вышел, того уже не было.

Должно быть, уехал.

В это время Янь Цзин беседовал с Фу Сяо, обладателем некрасивых рук. Фу Сяо сегодня снимался, поэтому не смог присутствовать на съёмках с дублёром.

— Кстати говоря, с каких это пор ты стал заниматься такими делами?

В последние годы Фу Сяо снимался нечасто, и из-за проблемы с руками режиссёры старались избегать крупных планов. Но на этот раз он играл исторического деятеля, известного своим мастерством в каллиграфии и живописи, так что без съёмок рук было не обойтись. Киноимператор не торопился с поиском дублёра, планируя найти кого-нибудь уже после окончания основных съёмок. Он никак не ожидал, что Янь Цзин сам предложит ему кандидатуру.

Тот молча указал на свитки, которые он выманил у режиссёра Чжуна.

— Сам скажи, хорош почерк или нет.

— Я видел то видео, где он в отеле дерётся, — усмехнулся Фу Сяо. — Думал, он прирождённый воин, а оказалось — учёный муж.

— Словосочетание «и швец, и жнец» тебе незнакомо? — хмыкнул Янь Цзин. — Советую позвонить своей первой учительнице, может, напомним.

Фу Сяо пропустил его шпильку мимо ушей.

— Долго ещё здесь пробудешь? Изучение природы, помощь деревне, раскадровка сценария, подбор актёров... дел у тебя невпроворот.

— Я не тороплюсь, — Янь Цзин откинулся на спинку стула, принимая удобную позу и о чём-то задумавшись.

Внезапно его телефон издал звуковой сигнал.

Не застав Янь Цзина, Цзюнь Цюлань всё же решил отправить ему сообщение с благодарностью, сопроводив его смайликом. Увидев этот смайлик в стиле «для тех, кому за пятьдесят» — огромный лотос, из которого выплывали два иероглифа «спасибо», — Янь Цзин рассмеялся. Даже его дедушка такими не пользовался. Неизвестно почему, но он нашёл в сети похожий — вращающийся пион со словом «пожалуйста» — и отправил в ответ.

Цзюнь Цюлань больше не отвечал.

Сегодня он заработал двенадцать тысяч. Срочных трат не предвиделось, на повседневные нужды уходило немного. Юноша решил, что можно позволить себе крупную покупку. Он обещал родителям и сестре купить планшет, чтобы им было чем заняться дома. Особенно сейчас, во время эпидемии, когда даже из дома выходить нежелательно. Раньше они хотя бы могли поговорить с соседями.

Цзюнь Цюлань вспомнил прошлое.

Отец, хоть и был князем без реальной власти, находил утешение в живописи, каллиграфии и науках. Даже проводя дни напролёт дома, он был счастлив. Мать любила готовить и ухаживать за цветами, умело управлялась с делами в их поместье, и её жизнь тоже была наполнена смыслом.

Теперь же они были заперты в этом маленьком деревенском домике. О развлечениях и речи не шло. Когда он уходил, а сестра была в поместье генерала, они оставались вдвоём. И все их разговоры сводились к тревогам о нём и о сестре.

Нужно было найти им какое-то занятие, чтобы они могли отвлечься от тревожных мыслей. Долгая тревога вредна для здоровья.

Планшет. Раньше он думал купить подержанный. Старый, конечно, но для чтения книг и просмотра видео вполне сгодится. Но теперь, когда у него появились деньги, в этом не было необходимости. К тому же, новая вещь прослужит дольше.

Рядом с киностудией специализированных магазинов не было. Он посмотрел в интернете и решил поехать на такси в торговый центр в центре города. Заодно и мир посмотрит.

Однако, приехав на место, он был немного разочарован. Возможно, насмотревшись в сети на современные торговые центры, он ожидал большего. А этот, в небольшом городке, оказался совсем маленьким. При этой мысли Цзюнь Цюлань усмехнулся. Попади он сюда в свой первый день, он бы, наверное, счёл это место небесным дворцом. Многоэтажное здание, яркое освещение... хотя людей было немного, гораздо меньше, чем на киностудии.

Юноша немного побродил по этажам. На первом и втором в основном продавали одежду, на третьем — еду, там же располагались зал игровых автоматов и кинотеатр. Ему ничего не приглянулось. Точнее, хотелось купить всё, но денег было мало. Пора было переходить к делу.

Он выбрал планшет отечественной марки, о которой в сети были хорошие отзывы. К тому же, сейчас действовала государственная субсидия, и цена была чуть больше трёх тысяч — вполне приемлемо.

Выходя из магазина с покупкой в руках, он чувствовал себя немного нереально. Надо же, как он осмелел — потратить разом три тысячи! А ведь совсем недавно он думал, что если будет стабильно работать в массовке, то сможет зарабатывать три-четыре тысячи в месяц. Этих денег, обмененных на товары и перенесённых в его мир, хватило бы, чтобы его семья жила безбедно.

Хе-хе, хотя он и потратил так много, Цзюнь Цюлань был очень доволен. Его переполняло чувство выполненного долга.

Он уже собирался домой, но вспомнил, что обещал привезти несколько книг господину Су. Он вздохнул. Это была проблема. В здешних книгах было много информации: адреса, издательства, предисловия авторов. Учитель Су был слишком умён.

Он лишь хотел сохранить хрупкое равновесие, основанное на негласном уговоре: я не говорю, а ты не спрашиваешь. Больше всего он боялся того дня, когда это равновесие будет нарушено.

Поколебавшись, Цзюнь Цюлань всё же нашёл по навигатору книжный магазин. Войдя внутрь, он замер от изумления. Он был уверен, что с момента его первого дня в этом мире сегодняшний миг был самым поразительным.

Это было невероятно. Бесчисленные стеллажи, уставленные книгами, с табличками, указывающими на разделы. Книги на любой вкус: для жизни, для учёбы, для развлечения...

Цзюнь Цюлань застыл на пороге, не зная, куда сделать первый шаг.

И ведь это был всего лишь магазин в небольшом провинциальном городе. Он знал, что в этом мире люди читают не так уж много — у каждого был мобильный телефон, и ответы на большинство вопросов можно было найти в сети. Причина такого невероятного изобилия могла быть лишь одна: государство придавало огромное значение образованию и распространению знаний.

Переведя дух, Цзюнь Цюлань вспомнил, что и в столице Дашэн существовало книгохранилище, считавшееся величайшим, но доступ туда был открыт лишь высшей знати. Он бывал там — его коллекция не уступала императорской библиотеке, но в сравнении с этим местом она казалась жалкой лавчонкой. Одного лишь стеллажа с романами в пестрых обложках, стоявшего прямо перед ним, хватило бы, чтобы посрамить всё собрание столичного книгохранилища.

Он усмехнулся, стараясь не выглядеть так, будто впервые видит подобное.

Книг было так много, что глаза разбегались. Решив, что неважно, какие именно везти, он просто взял по одной из каждого раздела, кроме истории и военного дела. Везти такие труды в его мир было бы слишком неосмотрительно.

Он и не заметил, как среди прочих книг ему в руки попал учебник по основам идеологии. Большая стопка книг обошлась ему всего в несколько сотен юаней. Цены на них тоже его поразили.

Так дешево!

Конечно, в пункте приёма вторсырья книги были ещё дешевле, но там не было такого выбора, и приходилось полагаться на удачу. Когда-нибудь, когда у него будет время, он обязательно туда заглянет.

Выйдя из магазина, Цзюнь Цюлань задумался: может, стоит выкопать в их доме подвал? Все эти книги он не мог отдать господину Су, ведь его отец тоже был большим любителем чтения. Но в их маленьком домике не было места для хранения. Если сложить книги в комнате, их могли обнаружить. Не прятать же их вечно под кроватью?

Первой его мыслью было построить новый дом — из кирпича, с высоким забором, с отдельной комнатой для кабинета, где можно было бы сделать тайник. А если провести туда солнечные панели, то в доме появилось бы электричество... Жизнь стала бы намного удобнее.

Но осуществить этот план было непросто. Нынешний глинобитный домик был совсем плох: зимой в нём было холодно, летом — жарко, а в комнатах царил полумрак. Днём нельзя было пользоваться ни лампой, ни тем более масляным светильником — соседи тут же начали бы шептаться об их расточительности. Приходилось читать либо при открытой двери, либо во дворе.

Нужно было что-то придумать.

Цзюнь Цюлань вспомнил слова господина Су о скорой смене префекта. Нынешний префект был человеком апатичным, давно не получавшим повышения и просто отбывавшим свой срок. Никто из тех, у кого были хоть какие-то связи при дворе, не хотел ехать в этот бедный и беспокойный пограничный город. Здесь было трудно проявить себя, а в случае нападения врага чиновник становился первой жертвой Жунди. К тому же, в любом пограничном городе гражданская власть всегда уступала военной — ведь в случае войны не кистью же отбиваться.

А вот новый префект, как намекнул Учитель Су, был с ним как-то связан... Если всё сделать правильно, то, когда в столице о нём забудут, он сможет осуществить свои планы, и его родители заживут достойной жизнью.

Что до сестры, то она была ещё молода, и в поместье генерала ей было безопаснее. С её возвращением домой можно было не торопиться. Когда он сможет её защитить, он с почестями заберёт её обратно. А за кого она выйдет замуж или захочет ли вообще выходить — неважно. Раньше он считал, что девушка непременно должна выйти замуж, иначе её засмеют. Но этот новый мир открыл ему глаза. Разве насмешки окружающих важнее счастья сестры?

Он больше не думал о различиях двух миров. Главным было мнение сестры. В крайнем случае, как говорил отец, можно будет просто похитить для неё мужа.

Нагруженный стопкой книг и планшетом, Цзюнь Цюлань с трудом добрался до своего съёмного жилья. Внизу он столкнулся с дядей Хуа, который тоже возвращался со съёмок, даже не успев умыться.

— Ого, сколько книг накопил!

Цзюнь Цюлань кивнул и тут же начал сочинять:

— Я вырос в горах, толком не учился. Сейчас уже поздно идти в школу, да и денег на учёбу нет. Вот я и решил побольше читать, чтобы хоть как-то наверстать упущенное.

— Молодец, парень! — одобрительно сказал дядя Хуа. — Учиться никогда не поздно. Мой отец, когда был жив, даже в университет для пожилых ходил.

Он протянул руки:

— Давай помогу, а то тебе два раза бегать придётся.

Цзюнь Цюлань испугался, что тот увидит его пустую комнату, и поспешно отказался.

— Дядя Хуа, — быстро добавил он, — вы говорили, что я могу расплатиться за воду и свет каллиграфией. Это ещё в силе?

— В силе, конечно, в силе!

Хозяин знал, что у парня нет денег. В комнате почти не было электроприборов, так что электричества он потреблял мало. Дядя Хуа посмотрел на счётчик: за всё время набежало меньше ста юаней. В такую жару парень, наверное, даже кондиционер ни разу не включал. Так что обмен каллиграфии на оплату счетов был ему только на руку.

— У меня как раз сегодня есть время, — сказал Цзюнь Цюлань. — Приготовьте, пожалуйста, кисть и тушь, я сейчас занесу книги и сразу спущусь.

— Хорошо, хорошо, я сейчас всё подготовлю! — обрадовался старик.

Те два свитка, что он и старый Ван получили в прошлый раз, произвели фурор в их кругу пенсионеров. Он очень этим гордился.

Цзюнь Цюлань вздохнул с облегчением. Он быстро занёс вещи и спустился.

— Что будем писать на этот раз?

Дядя Хуа расстелил свиток с изображением цветущей сливы.

— Напиши здесь какое-нибудь стихотворение о сливе. Ах, да, в прошлый раз ты свою печать не поставил.

Каллиграфия без печати автора казалась незавершённой.

— Я взял её с собой, — усмехнулся Цзюнь Цюлань.

Отец вырезал для него печать с одним иероглифом — «Лань».

— Отлично, отлично. Ты пиши, а я пока кое-что принесу.

Стихов о сливе в этом мире было немало. Цзюнь Цюлань искал в интернете и выбрал то, что больше всего подходило к рисунку. Взяв кисть, он вдруг вспомнил, что те работы, которые он сегодня написал на съёмках, по идее, были больше не нужны. Режиссёр Чжун не сказал, что вернёт их. Неужели их просто выбросили? Ведь почерк у него был неплохой.

— Ого, как быстро! Дай-ка посмотреть... Ай-яй-яй, что за прелесть! Эта картина с твоим стихотворением — просто чудо! Твой дядя Хуа снова тебя обставил.

— Что вы, дядя Хуа, — улыбнулся Цзюнь Цюлань. — По сравнению с вашей скидкой на оплату счетов, написать одно стихотворение — это пара пустяков.

Собеседник был очень доволен. Кто бы не полюбил такого славного, но несчастного паренька? Он слышал, что дети из храма Цинфэн — это подкидыши. Какие же бессердечные родители могли бросить такое сокровище?

— Кстати, это старые учебники моей дочери. Хоть они и устарели, но содержание почти не изменилось. Можешь взять почитать, только не потеряй.

Дядя Хуа заметил, что парень купил в основном художественную литературу. Это тоже хорошо для расширения кругозора. Но для людей его поколения учебники имели особое значение. Они были составлены специально для детей, материал в них излагался последовательно, от простого к сложному.

— Когда прочитаешь, или если будешь переезжать, верни мне их, — добавил он.

Его дочь давно окончила университет, а старик всё ещё хранил её школьные учебники. Было видно, как он ими дорожит. Цзюнь Цюлань был тронут до глубины души. Он горячо поблагодарил дядю Хуа. Глядя на стопку книг выше человеческого роста, юноша подумал, что и в этом мире ученикам приходится нелегко.

— Пойдём, я помогу тебе занести, — снова предложил дядя Хуа.

Вот и вернулись к тому, с чего начали. У Цзюнь Цюланя не осталось отговорок.

— Дядя Хуа, донесите, пожалуйста, до лестницы на втором этаже, а дальше я сам.

— Ладно, — согласился тот, не придав этому значения. Лишь занеся книги, старик вспомнил, что в комнате у парня нет книжного шкафа. Неужели он собирается хранить столько книг в шкафу для одежды или просто на полу?

Он подумал, что у него дома есть старый книжный шкаф. Почему бы не отдать его пареньку? Комната у него хоть и на чердаке, но самая большая. Старый шкаф много места не займёт.

Цзюнь Цюлань едва успел занести всё в комнату, как в дверь постучали.

— Парень, у меня тут книжный шкаф есть, пойдём, поможешь затащить.

Молодой человек посмотрел на свою кровать без постельного белья и понял, что сегодня ему не отвертеться. Он открыл дверь:

— Дядя Хуа.

Первое, что бросилось в глаза гостю, была кровать.

— А что с кроватью?

— Погода хорошая, я всё снял постирать, — быстро нашёлся Цзюнь Цюлань. — На крыше сохнет.

Он надеялся, что дядя Хуа не пойдёт проверять. Тот и не подумал. Ему и в голову не могло прийти, что человек может так долго жить в комнате, имея всего один комплект белья. Юноша вздохнул с облегчением, но решил, что комнату пора приводить в порядок. Нужно было создать видимость, что здесь кто-то живет.

Они занесли шкаф. Хозяин снова оглядел скудную обстановку.

— Ты так долго здесь живёшь и совсем не обжился?

Цзюнь Цюлань смущённо почесал затылок:

— Да я ведь целыми днями на съёмках, прихожу только переночевать. Мне ничего и не нужно.

Дядя Хуа сжалился над бедолагой. Он принёс ему старый чайник, стул... За полвека жизни в этом доме у них скопилось много старых вещей, которые было жалко выбрасывать. Вот и пригодились. Старик был рад помочь. К счастью, с тех пор как Цзюнь Цюлань снял эту комнату, тот впервые поднялся к нему.

— Спасибо вам большое, дядя Хуа.

— Пустяки. А каллиграфия твоя мне очень нравится. Я несколько раз пытался скопировать, но такого изящества не получается.

— Это просто, — сказал Цзюнь Цюлань. — Если хотите, я напишу для вас несколько крупных иероглифов. Их легче копировать.

— Отличная идея!

Разговаривая, Цзюнь Цюлань проводил хозяина вниз. Там они встретили тётушку Хуа, возвращавшуюся с игры в карты. Она сунула ему несколько больших апельсинов. Юноша не знал, смеяться ему или плакать.

Яблоки, которые она дала ему в прошлый раз, он отнёс домой. Они всей семьёй их съели и сказали, что очень вкусно. После этого он иногда покупал фрукты. Кожуру и косточки приходилось выбрасывать с осторожностью. Все упаковки от принесённых из этого мира вещей он либо сжигал, либо аккуратно складывал и, вернувшись сюда, выбрасывал в большой мусорный бак внизу.

Опасаясь, что дядя Хуа снова может постучать, Цзюнь Цюлань выждал некоторое время. Он скачал на планшет несколько фильмов, сериалов и книг. Учитывая вкусы родителей, он выбрал в основном исторические драмы, добавив лишь пару книг в жанре фэнтези. Закончив, он в несколько заходов перенёс всё в свой мир.

— Зачем так много книг? — изумился Цзюнь Юй. На этот раз все они были новыми.

Сын вкратце объяснил, что сегодня хорошо заработал.

— Но не стоит так тратиться, — посетовал Цзюнь Юй, но рук от томов не отрывал. Какой же учёный не любит книги?

Во время ссылки ему пришлось отдать самые редкие экземпляры друзьям. Судьба остальных была ему неизвестна. Он надеялся, что их не сожгли, а передали в императорскую библиотеку. Так им хотя бы нашлось достойное применение. Когда Цзюнь Цюлань рассказывал, что первые книги он купил на свалке, отец чувствовал несправедливость. Но, понимая, что миры разные, он не стал осуждать чужие обычаи.

— Нужно было принести поменьше, — сказал он. — Я бы прочитал, а ты бы потом принёс новые. Столько книг нам негде прятать.

Цзюнь Цюлань поделился с ним своими планами.

— Построить дом? — удивилась Сун Сижун.

Нынешний домик, где всё было на виду, никого не устраивал. Дело было не в брезгливости. Ей, как женщине, было просто неудобно.

— Боюсь, придётся подождать, пока не приедет новый префект, — сказал Цзюнь Цюлань.

Он не доверял нынешнему префекту, кто знает, какие тайные приказы тот мог получить из столицы. Надёжнее было дождаться человека, о котором говорил господин Су. Но из-за эпидемии всё откладывалось.

Вся семья одновременно вздохнула, а потом рассмеялась. Как бы то ни было, жизнь налаживалась. Вдали от интриг и предательства они обрели покой.

Цзюнь Цюлань, посмеявшись вместе с ними, достал планшет и показал родителям, как им пользоваться. Раньше они видели у него только мобильный телефон, но боялись к нему прикасаться. Они слышали, что с его помощью можно даже расплачиваться. А сегодня сын принёс им устройство еще больше.

Родители были растроганы, но и ругали его за расточительность.

— Я же обещал. Теперь, когда деньги есть, можно себе позволить.

Когда закончатся съёмки в «Стратегии наложницына сына», он получит ещё двадцать тысяч. Вееров тоже скопилось немало, на этот раз даже с резными узорами. Нужно только подождать, пока утихнет шум в сети, и можно будет снова выходить торговать. Если всё пойдёт гладко, о нужде можно будет забыть. А заработанные деньги нужно тратить на улучшение жизни.

Родители не смогли его переубедить. Они с радостью взяли планшет и долго его изучали. Особенно им понравилось смотреть сериалы. Хотя сын и говорил, что он снимается в массовке, они всё равно внимательно всматривались в толпу, пытаясь найти его. Цзюнь Цюлань лишь посмеивался над этим.

— Отец, мать, я ведь там совсем недавно. Съёмки одного сериала длятся месяцы, потом ещё монтаж, спецэффекты, проверка цензурой... Пройдёт много времени, прежде чем вы сможете меня увидеть.

К тому же, судя по декорациям, этот сериал снимали не на той киностудии, где он сейчас работал. Родители рассмеялись.

— Ничего, посмотрим, как там у тебя на работе, — сказала Сун Сижун.

Раньше Цзюнь Цюлань приносил им видео из другого мира, но на съёмочной площадке снимать было запрещено, так что они до сих пор не знали, что представляет собой работа актёра массовой. А вот в «Стратегии наложницына сына» у него была небольшая роль, так что родители смогут его увидеть.

Учебники, которые дал ему дядя Хуа, были взяты в займы, поэтому он принёс домой только два — за первый класс. Помогая матери на кухне, он пролистал их. Материал был действительно очень простой. Заодно он решил выучить пиньинь, чтобы научиться печатать. Писать от руки было не всегда удобно.

Вечером Цзюнь Юй читал книгу о путешествиях, Сун Сижун смотрела сериал, а Цзюнь Цюлань изучал учебник для первоклассников. Наконец, у матери устали глаза, и она отложила планшет. Увидев, как отец и сын погрузились в чтение, она вспомнила о Цзюнь Шувань.

— Как там наша Вань'эр в поместье генерала?

Противовирусные препараты, которые сын передал для неё, не давали стопроцентной гарантии. А в поместье было много людей.

— Матушка, не волнуйтесь, — успокоил её Цзюнь Цюлань. — Госпожа Хо, в благодарность за мой совет и рецепт спирта, будет заботиться о сестре.

Они передали эти вещи, чтобы защитить сестру, и госпожа Хо это понимала. Если бы с Шувань что-то случилось в её доме, госпожа Хо не знала бы, как смотреть им в глаза.

— Я знаю, но всё равно не могу не думать о ней.

Вань'эр выросла, почти не разлучаясь с родителями.

— Вань'эр — девушка с характером, — сказал Цзюнь Юй, откладывая книгу. — Если бы она целыми днями сидела в деревне взаперти, вот тогда бы с ней точно что-нибудь случилось.

Она не выходила из дома, чтобы избежать беды, избежать грязных взглядов. В деревне этого

было не избежать. А в поместье генерала она была под защитой госпожи Хо, у неё появились подруги, нашлось занятие. Благодаря их дарам к ней относились с уважением. Кроме разлуки с семьей, всё было к лучшему.

— Только бы эта эпидемия поскорее закончилась, чтобы Вань'эр и Мяо'эр смогли приехать хотя бы на пару дней.

Им обещали ежемесячные выходные, но из-за карантина они не могли вернуться домой. Следующие несколько недель прошли спокойно. В городе болезнь удалось быстро взять под контроль. Люди дорожили своими жизнями и послушно выполняли все предписания властей.

К тому времени, когда лекари объявили об окончании эпидемии, в пограничном городе наступило время сбора урожая. Строго говоря, со сбором уже опоздали. Из-за карантина приходилось выбирать. Выбор был очевиден, и большинство людей проявили благоразумие.

После периода неустойчивой погоды внезапно вернулась жара. На урожай это сказалось, но не сильно. Собравшись на гумне, крестьяне дивились тому, как быстро удалось справиться с чумой. Раньше вести о ней означали вымершие города и деревни. На этот раз, хотя и были жертвы, их было несравнимо меньше.

Особенно повезло их деревне. Когда приехали служивые для подсчёта умерших, они были поражены: здесь от чумы не умер ни один человек. Было всего двое похорон — умер старик, которому пришло время, он ушёл во сне.

— Кстати, где здесь живёт семья по фамилии Цзюнь? — спросил один из солдат. — У меня для них два письма, которые барышня Цзюнь просила передать.

Цзюнь Юй как раз был там.

— В этой деревне мы единственные носим эту фамилию. Должно быть, это от моей дочери.

Служивый сверился со старостой и только после этого отдал бумаги отцу.

— И ещё одно письмо для девушки Цянь, она живёт по соседству. Передайте, пожалуйста.

Эпидемия закончилась, а дочь не вернулась, прислала письмо. Что бы это значило? Да и солдат говорил о ней с каким-то уважением. Цзюнь Юй, не мешкая, поспешил домой. Распечатав письмо, он едва не лишился чувств. Ему пришлось ущипнуть себя, чтобы не упасть в обморок от того, что написала его дочь.